

Бао Дай, последний император Вьетнама Исторический очерк

© 2012

Е. Кобелев

В 1945 году в результате победы Августовской революции во Вьетнаме был ликвидирован монархический режим, представитель правящей династии Нгуенов император Бао Дай отрекся от престола. В последние годы, по мере расширения гласности и открытости во вьетнамском обществе, появилось довольно много книг и публикаций, в которых подробно и вполне объективно прослеживается жизнь последнего императора Вьетнама, которая была насыщена невероятным политическим многообразием и авантурными приключениями.

Ключевые слова: Вьетнам, Франция, Япония, династия Нгуенов, император Бао Дай, императрица Нам Фыонг, отречение от престола.

В 1887 году Вьетнам, которым до этого с начала XIX в. правила династия Нгуенов, был завоеван Францией и включен в состав французского Индокитайского союза, в который вошли также соседние Камбоджа и Лаос. Следуя колониальному принципу «разделяй и властвуй!», Франция расчленила Вьетнам на три части, получившие различный статус. Намки (Южный Вьетнам), завоеванный самым первым, стал колонией Франции под названием Кохинхина. Он управлялся непосредственно французскими властями — губернатором и администраторами провинций. Бакки (Северный Вьетнам) и Чунгки (Центральный Вьетнам), которые назывались в течение всего колониального периода соответственно Тонкин и Аннам, получили статус протекторатов. Формально там была сохранена местная вьетнамская администрация, а в столице династии Нгуенов городе Хюэ — даже императорский двор. Однако и в этих протекторатах все действия вьетнамских властей полностью контролировались и направлялись французскими «верховными резидентами».

Сохранив, пусть хотя бы и формально, власть династии Нгуенов, с которой вьетнамский народ инстинктивно связывал свои горькие воспоминания о независимом и великом прошлом Вьетнама, колонизаторы рассчитывали использовать авторитет вьетнамских монархов в целях скорейшего и бескровного умиротворения завоеванной страны. Однако поначалу этим расчетам не суждено было сбыться. Уже в 1885 г. весь Вьетнам был охвачен патриотическим освободительным движением, которое получило название «кан выонг» («в поддержку императора») и во главе которого встали малолетний император Хам Нги и его регент Тон Тхат Тхюет.

Основной опорой антифранцузского сопротивления стала своеобразная социальная группа той поры, доминировавшая прежде всего во вьетнамской деревне, — феодальное ученое сословие. Представителей этой группы по традиции было принято называть “*nho si*” — конфуцианцами, так как они были последователями учения Конфуция —

Мэнцзы, которое проникло во Вьетнам из Китая и с XV в. стало официальной религией и идеологией вьетнамских феодальных династий. Однако, считают современные вьетнамские историки, название это не совсем верно, так как на вьетнамской почве учение Конфуция — Мэнцзы подверглось сильному воздействию местных национально-патриотических традиций и идеалов и приобрело совершенно несвойственные ему изначально прогрессивные черты¹.

«Великий святейший Конфуций (за 551 год до Иисуса Христа), — писал в 1921 г. в одном из французских журналов молодой Хо Ши Мин, — стал зачинателем идеи всеобщего согласия и теории имущественного равенства людей. Если сформулировать коротко, то святейший говорил: основы мирной жизни на этом свете могут произрастать только из основ всеобщего согласия среди людей. Люди не боятся нужды, они боятся только несправедливости»².

Действительно, если китайские феодальные завоеватели и их вьетнамские союзники стремились к утверждению наиболее реакционных черт конфуцианства, а именно: преклонение перед властью, консерватизм, догматизм, схоластические формы просвещения и т.п., то патриотически настроенные и прогрессивно мыслящие представители вьетнамской феодальной интеллигенции делали упор на имевшиеся в конфуцианстве рациональные, позитивные по тем временам элементы. Более того, они шли еще дальше, приспособлявая конфуцианство к нуждам национально-освободительной борьбы вьетнамского народа, преобразовывая его в национально-патриотическое по духу, а зачастую даже антимонархическое учение. Вот почему во Вьетнаме в XV—XIX вв. исторически сложилась такая необычная, на первый взгляд, ситуация, что именно *nhô si* становились национальными героями, вождями освободительных войн, руководителями или участниками крестьянских восстаний.

Особенно наглядно проявился специфический характер «вьетнамского конфуцианства» с приходом французских колонизаторов. Именно *nhô si* были основной опорой вьетнамской монархии, пока ее представители находились во главе борьбы против колонизаторов. В противоположность католицизму, носителями которого были колонизаторы, насильственно насаждавшие во Вьетнаме учение Христа, конфуцианство воспринималось в эти годы как символ всего исконно вьетнамского.

Только к концу XIX в. движение «кан выонг» было подавлено колонизаторами, а плененный Хам Нги был сослан в Алжир под надзор местных французских властей. Но на этом противостояние колонизаторов с династией Нгуенов отнюдь не закончилось. В 1916 г. патриотическая организация «Общество возрождения Вьетнама», которой руководили принц Кьонг Дэ и один из самых видных патриотов-националистов Фан Бой Тяу, подготовила план всеобщего восстания во главе с императором Зюй Таном, который в знак протеста против политики французских властей бежал из своего дворца в Хюэ, повторив тем самым путь мятежного императора Хам Нги. Однако это восстание также было жестоко подавлено, император Зюй Тан был захвачен в плен и отправлен в ссылку в далекое африканское владение Франции — на остров Реюньон. В сентябре 1916 г. на престол взошел 12-й по счету монарх династии Нгуенов — Кхай Динь.

После стольких лет безуспешных попыток поставить вьетнамских монархов на службу своим колониальным интересам, перед французскими властями во Вьетнаме со всей серьезностью встал судьбоносный вопрос: как приручить представителей династии Нгуенов, как сделать их эффективным орудием успешного проведения колониальной политики?

В первой четверти XX в. в Министерство колоний Франции поступали десятки предложений, прежде всего от генерал-губернаторства в Ханое, от верховного резидента в Хюэ и от губернатора в Сайгоне, по поводу того, как этого добиться. В конце концов превалирующей стала следующая точка зрения: необходимо с детских лет полностью «офранцузить» престолонаследника, чтобы затем на престол в Хюэ воссел неоспоримый вьетнамец по крови, но истинный француз по духу. Впервые эта идея четко прозвучала в

письме генерал-губернатора Индокитая Альбера Сарро верховному резиденту Аннама после рождения наследника у императора Кхай Диня. «Император Кхай Динь, возведенный нами на престол, — писал А. Сарро, — послушный монарх, однако слабохарактерный и заурядный человек, он не пользуется симпатиями народа и, особенно, сословия *«nho si»*, которые все еще грезят о тех монархах династии Нгуенов, которые находятся в изгнании. В этих условиях первоочередная задача власть предержащих в Аннаме сегодня — это подготовить нового монарха, который отвечал бы цивилизаторской миссии Франции. Только что родившийся младенец- престолонаследник — это для нас прекрасное событие, которым мы должны воспользоваться и воспитать из него верного сына нашей матери-родины. Мы полагаем, что когда он подрастет до школьного возраста, надо будет отправить его на учебу во Францию — при этом чиновники аппарата верховного резидента обязаны держать в поле зрения воспитание будущего императора, в частности, подбирать ему таких воспитателей как при дворе, так и вне его, которых мы могли бы контролировать»³.

Итак, выбор французов пал на сына Кхай Диня наследного принца Винь Тхюи, который впоследствии, став императором, взял себе имя Бао Дай. Он родился 22 октября 1913 г. в императорской столице Вьетнама — городе Хюэ. 8 марта 1922 г., когда ему исполнилось 9 лет, его отец император Кхай Динь присвоил ему титул наследного принца, иными словами назвал имя следующего, тринадцатого по счету, императора династии Нгуенов. На Востоке цифра 13 не считается такой мистической, как в Европе. Вместе с тем, нельзя не обратить внимания на весьма зловещее предзнаменование — последний император Вьетнама и родился в 13 году XX столетия, и был по счету 13-м монархом династии Нгуенов.

В июне 1922 г. в Марселе открылась французская колониальная выставка. На ней демонстрировались достижения цивилизаторской деятельности Франции в ее колониях. Наиболее широко был представлен Индокитай, который помпезно именовался жемчужиной в короне французской колониальной империи. У посетителей выставки вызвали неподдельный интерес макеты камбоджийских храмов Ангкора, древних вьетнамских буддийских пагод, «36 старинных улиц» Ханоя⁴.

Однако самой главной «достопримечательностью» выставки стал вьетнамский императорский двор, который французские власти доставили в Марсель ко дню ее открытия. Вечером 21 июня в марсельский порт вошел пароход «Портос», на его мачте развевался шелковый треугольник оранжевого цвета с двумя красными полосами — флаг императорской династии Нгуенов. По убранному цветами белоснежному трапу спустился на причал император Кхай Динь. Перед встречающей публикой он предстал в традиционном для вьетнамских императоров облачении: на голове — золотистый тюрбан, на плечах — длинное шелковое платье, вытканное причудливыми фигурами драконов. За ним по трапу сошел вниз девятилетний мальчик — наследный принц Винь Тхюи. У трапа почетных гостей встречал министр по делам колоний Франции Альбер Сарро. Отвечая на его приветствие, Кхай Динь напыщенно заявил: «Франция — наш учитель, она ведет нас в будущее. Из тесного пожатия наших рук рождаются добрые чувства, и обе наши страны дружной поступью идут вперед единой дорогой...»⁵.

Проживавший в эти годы в Париже Нгуен Ай Куок (Хо Ши Мин), как и многие вьетнамские патриоты, возмущенный поведением Кхай Диня и его раболепными речами, написал сатирическую интермедию «Бамбуковый дракон», в которой изобразил вьетнамского императора игрушкой в руках колонизаторов. Эта интермедия вначале появилась на страницах газеты «Пария», издававшейся под редакцией Нгуен Ай Куока, а затем даже была сыграна на сцене в пригороде Парижа на одном из массовых народных гуляний, организованном газетой «Юманите».

Кхай Динь пробыл во Франции почти два месяца и 14 августа 1922 г. отбыл во Вьетнам, оставив наследного принца Винь Тхюи в Париже. Так началась весьма сложная

и деликатная операция французской колониальной администрации по «офранцуживанию» будущего вьетнамского монарха. Одними из главных исполнителей этой операции стали бывший верховный резидент Франции в Аннаме Charles (Шарль) и его супруга. Они поселили вьетнамского мальчика в своем особняке на улице Бурдоннэ в Париже, где ему был предоставлен отдельный домик. По настойчивому требованию Кхай Диня из Вьетнама в Париж был прислан учитель по вэньяню — древнекитайскому языку и по «куок нгы» — недавно введенной колониальными властями латинизированной письменности вьетнамского языка.

Но главной задачей Винь Тхюи было все-таки получение классического французского образования. Вначале его определили в известный лицей Condorcet, а после его окончания — в Ecole libre des Sciences Politiques (Свободную школу политических наук). Это аристократическое учебное заведение было создано в Париже специально для обучения будущих монархов и туземных служащих высшего звена колониальной администрации многочисленных колоний Франции в Африке и Азии. После занятий, когда мальчик возвращался домой, супруги Шарль организовывали для него дополнительные занятия: изучение классической музыки, обучение игре на гитаре, занятия спортом, прежде всего теннисом, вождение автомобиля, стрельба из винтовки и даже обучение классическим танцам с французскими девочками-сверстницами.

По тем временам все эти занятия, особенно спорт и вождение автомобиля, были настоящей революцией для представителей вьетнамской монархии. На фотографиях тех лет Бао Дай чаще всего одет в спортивную майку и шорты или кожаную куртку и шлем автомобилиста. Он чурался вьетнамских национальных одеяний и в свободное от спортивных занятий время одевался скорее как французский киноартист, и это ему очень шло, так как он был красив и для вьетнамца довольно высок ростом. Однако позднее, когда он вернулся во Вьетнам, оппозиционные вьетнамские газеты с возмущением писали по этому поводу, что французы сделали из вьетнамского монарха какого-то «плэйбоя».

Особенно страстно молодой Бао Дай любил водить автомобиль. Уже в 16 лет в его распоряжении имелось несколько автомашин различных марок. Особое предпочтение он отдавал скоростным машинам, на которых «лихачил» по улицам Парижа или мчался по автотрассам в курортные города — Канны и Довиль.

В 1924 г., когда Кхай Диню исполнилось 40 лет, Тайный совет двора в Хюэ принял решение организовать великие торжества по случаю юбилея императора. Колониальная администрация выделила на это большие деньги и, чтобы в торжествах принял участие и наследный принц, поручила Шарлю доставить Винь Тхюи в город Хюэ. На этих торжествах мальчик был одет в длинное золотистое платье, в котором, согласно традиции, появлялись перед народом вьетнамские монархи. После окончания торжеств Винь Тхюи в сопровождении супругов Шарль, которых уже называли приемными родителями мальчика, снова отбыл во Францию, чтобы, как писали вьетнамские газеты, продолжать осваивать профессию монарха. Но жизнь есть жизнь: так удачно проходивший процесс «офранцуживания» будущего вьетнамского императора прервался самым неожиданным образом. 6 ноября 1925 г. из Хюэ пришла скорбная весть о неожиданной кончине на 41-ом году императора Кхай Диня. Винь Тхюи вынужден был прервать учебу в Париже и срочно отбыть в Хюэ, где 8 января 1926 г. был возведен на престол императора под именем Бао Дай. Было ему тогда всего 13 лет.

Церемония возведения на престол юного императора была организована весьма торжественно. Кроме, естественно, всех членов Тайного совета, в ней приняли участие тогдашний генерал-губернатор Французского Индокитая Александр Варенн, верховный резидент Аннама Пьер Паскье и, разумеется, «приемные родители» Винь Тхюи — супруги Шарль. На церемонии новый монарх впервые в своей жизни выступил с официальной речью: «Следуя старинным обычаям династии Нгуенов, добрым намерениям правительства протектората, а также искренним мольбам служителей королевского двора и

всех простых людей, Мы, Государь, заявляем о том, что готовы наследовать престол нашего Отца-императора. Однако, согласно его повелению, Мы вернемся во Францию для продолжения учебы, чтобы в один из дней стать достойным той миссии, которую Небо возложило на Нас. В период своего отсутствия Мы будем всемерно полагаться на правительство протектората, будем тесно сотрудничать с династией Страны Юга, чтобы как можно скорее создать стабильное и мирное императорское правление. Это наше самое глубокое желание»⁶.

17 ноября 1926 г. Бао Дай подписал указ о временной передаче императорской власти правительству протектората. Кроме того, по указанию колониальных властей он также подписал указ о создании временного Регентского совета, который возглавили «регент его величества» Нгуен Хыу Бай и председатель Совета старейшин Тон Тхат Хан.

Еще почти шесть лет юный монарх находился за пределами своей родины. А в ней в эти годы происходили грандиозные события, потрясшие самые основы колониального режима. К концу 30-х годов большой размах приобрела революционная деятельность «вьетнамского гоминьдана» — Национальной партии Вьетнама, во главе которой стоял неистовый антиколониалист Нгуен Тхай Хок. В начале 1929 г. в Ханое боевики его партии убили крупного чиновника французской администрации Базэна, который занимался вербовкой вьетнамской рабочей силы для французской Новой Каледонии. В феврале 1930 г. Национальная партия подняла вооруженное восстание в провинции Иенбай (Тонкин). Плохо подготовленное восстание потерпело сокрушительное поражение, и десятки его участников сложили головы на гильотине.

Вскоре после этого французская охранка установила основное местопребывание штаб-квартиры партии и ее руководства в одной из деревень провинции Хайзыонг (Тонкин). Деревня была подвергнута бомбардировке с воздуха, а лидер партии Нгуен Тхай Хок был захвачен в плен живым. В 1931 г. Нгуен Тхай Хок и 12 его сотоварищей были гильотинированы в тюрьме города Иенбай.

В конце 1930 г. в двух провинциях центрального Вьетнама — Нгеан и Хатинь начались массовые выступления крестьянства против колониальных порядков. Руководила ими созданная Нгуен Ай Куоком (Хо Ши Мином) 3 февраля 1930 г. Коммунистическая партия Индокитая (КПИК). В 116 деревнях обеих провинций были созданы по примеру российских трудящихся Советы — первые во Вьетнаме органы народно-революционной власти. Нгетиньские Советы, как их называли в народе, существовали почти год, пока их не подавили колонизаторы, островками свободы и независимости в колониальном Индокитае. Советы полностью ликвидировали на местах колониальный административный аппарат, изгнали из сел феодалов, крупных помещиков, старост. «Хотя движение Нгетиньских Советов было потоплено в крови, — отмечал впоследствии Хо Ши Мин, — оно навсегда останется свидетельством героизма и боеспособности трудящихся масс Вьетнама; оно способствовало рождению сил, которые впоследствии совершили Августовскую революцию»⁷.

И в самой Франции происходили драматические события. В 1932 г., за несколько месяцев до возвращения Бао Дая на родину, в Париже русским белоэмигрантом Горгуловым было совершено убийство президента Франции Поля Думера, который, кстати, в 1896–1902 гг. был генерал-губернатором Индокитая. Естественно, Бао Дай как вьетнамский император должен был принять непосредственное участие в организованных властями траурных мероприятиях по этому скорбному случаю.

Тем временем обеспокоенные размахом революционных выступлений во Вьетнаме, особенно в Тонкине, колониальные власти начали настойчиво требовать возвращения молодого вьетнамского монарха на родину, рассчитывая, что его присутствие и «передовые формы» правления помогут успокоить вьетнамские политические круги и общественное мнение. Особенно большую активность проявлял секретарь Колониального совета в Ханое некий г-н Шатель, который буквально забросал алармистскими письмами

министерство колоний Франции. Пытаясь «уговорить» министерство, мсье Шатель рисовал в своих письмах весьма живописные картины, как надо организовать приезд молодого монарха во Вьетнам. По его словам, это можно сделать подобно тому, как «Цезарь после очередной победы возвращался в Рим или как Наполеон в Париж после победы при Аустерлице». Накануне его приезда, писал мсье Шатель, надо организовать во Вьетнаме мощную пропагандистскую кампанию восхваления молодого монарха, заполнить всю страну его красиво оформленными портретами, поручить самым известным вьетнамским композиторам написать песни, прославляющие его славные деяния, сделать полнометражный документальный фильм о «горячей встрече его вьетнамским народом», который потом демонстрировать в кинотеатрах во всех крупных городах колонии⁸.

Однако в своих письмах мсье Шатель не учитывал одного серьезного обстоятельства. Бао Дай много лет прожил в Париже, он уже привык к развлечениям, и без них не мыслил свою жизнь. В душе он, по-видимому, уже не воспринимал Вьетнам как свою родину, это было всего лишь смутное воспоминание детства. Поэтому всякие разговоры о возвращении в Хюэ воспринимались им как попытка перевести его «из рая в ад».

Таким образом, возникла весьма серьезная проблема — как уговорить юного, а потому старавшегося казаться независимым, монарха согласиться на срочное возвращение на родину. С этой целью, наряду с мсье Шателем и супругами Шарль, в ход было пущено тяжелое оружие: в разъяснительную работу с юношей включились министр колоний, министр иностранных дел и даже сам президент Франции. В конце концов Бао Дай сдался, но выговорил условие, что он будет иметь возможность приезжать в Париж в любое время, когда у него возникнет желание⁹.

Здесь нельзя не обратить внимания на то, что один из биографов Бао Дая Даниэль Гранклеман отыскал в архивах французской полиции сведения о том, что «агенты Коминтерна» якобы проявляли серьезный интерес к судьбе молодого вьетнамского монарха. Так, по его словам, как только стало широко известно о предстоящем возвращении Бао Дая во Вьетнам, министерство колоний получило донесение от филера охранки о том, что в доме № 120 по улице Шатодэн состоялось тайное совещание Комиссии по вопросам колоний ЦК Французской компартии, в котором приняли участие один француз и семь вьетнамцев. В повестке дня совещания стоял вопрос: «Возвращение императора Бао Дая на родину и возможности покушения на него». Все участники заявили о поддержке идеи убийства Бао Дая. Одному вьетнамцу по имени Фам Ван Диеу было поручено выполнить акт смертной казни Бао Дая в Париже. Если же эта акция не удастся, другому вьетнамцу по имени Нгуен Динь Тинь (партийная кличка «Блинов»)¹⁰ было поручено попытаться убить его, когда он будет подниматься по трапу на пароход¹¹. Хотя указанное донесение выглядит вроде бы правдоподобно, отнюдь нельзя исключать того, что оно было специально сфабриковано парижской полицией, чтобы припугнуть Бао Дая и ускорить его отъезд, а заодно и лишний раз показать французскому обывателю, как далеко протянулись «щупальца» Коминтерна.

Параллельно возникла и другая не менее сложная проблема. Стало известно о письме министерства колоний от 24 января 1926 г., в котором утверждалось, что Бао Дай не сын императора Кхай Диня, а ребенок одной из наложниц двора, зачатый от какого-то сановника династии. Французским властям в Индокитае пришлось принимать различного рода строжайшие меры, чтобы в зародыше погасить эти опасные «злонамеренные» слухи¹².

Свадьба по-французски

Накануне возвращения Бао Дая во Вьетнам в императорском дворце в Хюэ развернулась лихорадочная работа по поискам невесты для молодого, красивого и получившего французское образование императора. Вдовствующая императрица Ты Кунг, на

правах его родной матери, подобрала для него девушку по имени Бать Иен — дочь одного из высоких сановников двора. До этого девушку долго учили играть на старинной вьетнамской гитаре, декламировать стихи древних вьетнамских поэтов, учили манерам и этикету, которые были приняты при дворе династии Нгуенов. Кроме того, Бать Иен каждый день купалась в ванной из молока, чтобы ее кожа была белой, как у европейских женщин, и издавала восхитительный аромат.

Однако вдовствующая императрица не знала о планах колониальных властей осуществить полное «офранцузивание» ее сына и, естественно, о том, что после завершения его учебы должна начаться вторая фаза по превращению молодого вьетнамского монарха, связанного многими неразрывными узами с матерью-Францией, в «неоспоримого вьетнамца по крови, но истинного француза по духу». Суть второй фазы задуманной французами операции заключалась в том, чтобы найти ему соответствующую пару — разумеется, вьетнамскую девушку, но опять же с хорошим французским образованием и обязательно католичку, так как сам Бао Дай как представитель старинной вьетнамской династии был буддистом. На этом этапе активно вступили в дело супруги Шарль. Когда они еще работали во Вьетнаме, они близко познакомились с семьей миллионера Дениса Ле Фат Ана из Кохинхины, у которого была племянница Жанна Мариэтта Нгуен Хыу Тхи Лан. У Дениса Ле Фат Ана не было своих детей, поэтому он относился к Тхи Лан, как к своей дочери, и не жалел денег на ее обучение во Франции. Она же была дочерью его, тоже довольно богатого, брата Нгуен Хыу Хао из города Гоконг (Кохинхина). Как и Бао Дай, она с малых лет была отправлена во Францию и училась в парижской школе *Couvent des Oiseaux* (Монастырь птиц), в которой преподавали монахини монастыря Святого Августина. Она прекрасно знала французский язык и французскую культуру, уже имела звание бакалавра. Но самое главное для успеха задуманной операции было то, что все члены семейного клана Тхи Лан были ревностными католиками, а глава клана был известен на Юге Вьетнама тем, что на свои средства построил три католических храма для прихожан в районах, прилегающих к Сайгону.

Чтобы юный монарх и красавица Тхи Лан смогли познакомиться еще в Париже, супруги Шарль договорились о приватной встрече с директрисой школы *Couvent des Oiseaux* и условились с ней, что она пригласит на выпускной вечер в честь окончания учебного 1932 г. императора Вьетнама Бао Дая, и что цветы монарху преподнесет вьетнамская школьница Тхи Лан. Так все и произошло, и когда красавица Тхи Лан преподнесла Бао Даю цветы, он, конечно, приметил ее и запомнил.

В начале августа 1932 г. от причала Марселя отошло пассажирское судно «д.Артаньян», на борту которого Бао Дай, сопровождаемый супругами Шарль, отплыл во Вьетнам. Естественно, на этом же корабле оказалась и Тхи Лан, которая возвращалась во Вьетнам на каникулы, сопровождаемая Денисом Ле Фат Аном и его женой. Во время долгого плавания (тогда расстояние от Франции до Вьетнама пароходы преодолевали более, чем за месяц) началась вторая фаза операции по «офранцузиванию» молодого вьетнамского монарха. В один из первых же вечеров Денис Ле Фат Ан пригласил супругов Шарль на дружеский ужин, на котором, конечно же, не могли не присутствовать их «приемный сын» Бао Дай и племянница миллионера Тхи Лан.

Именно на этом ужине, как считают организаторы операции, и вспыхнули первые романтические искры будущей любви двух юных сердец. Естественно, молодые люди во время долгого плавания познакомились и не могли не понравиться друг другу. Оба были очень красивы, оба были всецело привержены французской культуре, поэтому, когда вечерами они гуляли по палубе, у них находилось много общих тем для бесед.

В начале сентября 1932 года пароход «д.Артаньян» бросил якорь во вьетнамском порту *Cap Saint Jackes* (ныне — город Вунгтау). Здесь Тхи Лан встретили ее отец Нгуен Хыу Хао и члены семейства Ле Фат Ана и повезли ее в Сайгон. А Бао Дая французские военные проводили на борт военного корабля *Dumont d'Urville*, который доставил его в порт

Туран (ныне — Дананг). Когда Бао Дай спускался по трапу на причал, в честь возвращения молодого монарха на родину был произведен артиллерийский салют из 21 залпа.

10 сентября 1932 г. Бао Дай выступил по радио с обращением к своим подданным, текст которого, естественно, был подготовлен его французскими советниками, где обещал широкие реформы в стране, которые отвечали бы принципам цивилизации и прогресса, усвоенным им во время учебы во Франции. В своей речи, отличавшейся неконкретностью и витиеватостью (как, впрочем, и многие последующие его публичные выступления), Бао Дай, в частности, обратился к тем вьетнамцам, кто «всем сердцем любит родину: надо всем нам, направляемым общей волей, вместе идти к единой цели, чтобы весь народ жил в гармонии, великодушии и упорядоченной строгости, стремясь к высотам цивилизации и прогресса, которых мы должны достигнуть»¹³. Под этими вьетнамцами он имел в виду патриотические партии и организации, которые открыто и активно выступали против французского господства. Однако Бао Дай весьма ловко не назвал ни одной партии и, естественно, не решился сказать определенно о том, что это патриоты, которые борются как против колонизаторов, так и против самой феодальной монархии. Впрочем, другого он сказать и не мог — откуда 19-летний император, проживший много лет вдали от родины, мог знать об особенностях социально-политической обстановки во Вьетнаме.

Вслед за тем Бао Дай осуществил несколько важных политических акций. Прежде всего он совершил ритуальную поездку в провинцию Тханьхоа — родину предков династии Нгуенов, а после этого — ознакомительные поездки вначале в Кохинхину, а затем — в Тонкин.

Для колониальных властей особенно важно было «показать товар лицом» в Тонкине, причем по двум разнохарактерным причинам. С одной стороны, в Тонкине наиболее сильны были антиколониальные настроения. И французы надеялись, что непосредственное знакомство населения Тонкина с молодым монархом вьетнамской династии Нгуенов, которая олицетворяла народную память о тех давних временах, когда Вьетнам был независимой страной, поможет понизить градус революционного движения в Ханое и окружающих его провинциях.

С другой стороны, с начала 1930-х гг. в Тонкине приняло массовые формы умело инспирируемое колонизаторами движение, которое мы бы сегодня назвали «вестернизацией». Участники этого движения — представители разночинной молодежи, студенчества новой формации, получившие французское образование, чиновники, служившие во французской администрации, учителя школ и лицеев — романтизировали материальные и духовные достижения Запада, особенно, Франции и требовали обновления образа жизни вьетнамского народа, приближения его к западным образцам. А Бао Дай как раз и был живым примером нового образа жизни — молодой, красивый, всегда одетый с иголки в модный французский костюм. То его видят скачущим верхом на коне, то за рулем первоклассного автомобиля, то он играет в теннис или в гольф, а на следующий день танцует танго или фокстрот. Разумеется, все это не могло не притягивать к нему внимание юношей и девушек из среды золотой ханойской молодежи и среднего городского класса.

Понятно, почему в конце 1932 г. в Ханое царил невероятное возбуждение. В начале ноября ханойцы стали свидетелями совершенно новых для них событий: рабочие спешно покрывали асфальтом улицы французской части города и знаменитые старинные торговые ряды; подстригали ветви деревьев, а нижнюю часть стволов красили известью; там, где ночью было не очень светло, меняли фонари. Затем городское управление повелело всем горожанам привести в порядок свои дворы и вывесить флаги. Повсюду появились французские «триколоры» и какие-то новые для ханойцев флаги — с двумя красными и тремя желтыми полосами. В городском управлении любопытствующим разъясняли: «Это флаг династии Нгуенов. Император Бао Дай скоро будет гостем Ханоя, по-

этому и идут такие авральные работы». С тех пор флаг с двумя красными и тремя желтыми полосами в народе стали называть «флагом Бао Дая».

Бао Дай прибыл в Ханое целую неделю. В один из вечеров у него произошла интересная встреча с членами Общества чиновников-конфуцианцев и чиновников-западников. Это Общество, так же как и известный в стране журнал «Нам фонг» («Южный ветер») основал профессор Фам Куинь. Он же и приветствовал на встрече монарха на французском и вьетнамском языках. Его речь пришлась Бао Даю по душе. Это и входило в планы французских организаторов его поездки, так как они давно решили поставить во главе правительства двора в Хюэ нового человека, лояльного Франции, вместо престарелого Нгуен Хыу Бая, который раздражал их своей чрезмерной приверженностью династийным канонам далекого прошлого.

После возвращения Бао Дая в Хюэ 1 мая 1933 г. туда прибыл генерал-губернатор Паскье, чтобы лично руководить работой совещания с членами Тайного совета. Верховный резидент Аннама Тибодо сообщил членам Тайного совета об обновлении его состава и зачитал текст императорского указа № 29: «Прежде чем активно приняться за работу, мы, Государь, хотели узнать настроения народа и с этой целью совершили поездки по Северу и Югу. И в ходе них Мы увидели, что конкретно нуждается в реформах. Поэтому сегодня, то есть 8 апреля 8-го года правления Бао Дая (1933 г.), мы объявляем, что отправляем на пенсию герцога (quan song) Нгуен Хыу Бая, высоких сановников двора Во Лиема, Тон Тхат Дана, Фам Лиеу, Выонг Ты Дая, а вместо них вводим в Тайный совет Фам Куиня, Тхай Ван Тоана, Хо Дак Кхая, Буи Банг Доана, Нго Динь Зьема». От себя Тибодо добавил: «Данный указ санкционирован генерал-губернатором Индокитая. Что касается меня, то я с его содержанием полностью согласен».¹⁴ Интересно отметить, что одним из самых молодых министров стал Нго Динь Зьем, который в 1950-е гг., после подписания Женевских соглашений о восстановлении мира во Вьетнаме, лишил Бао Дая поста главы государства и объявит себя диктатором Южного Вьетнама.

Появление Фам Куиня в Хюэ было встречено с большим недовольством членами императорского двора. Он был для них чужак, при дворе его презрительно именовали «белым фурункулом с Севера». Но против воли французов выступить они не могли. К тому же Фам Куинь пришелся по душе Бао Даю как близкий ему по духу человек — с солидными, изысканными манерами, с величественной осанкой, блестяще говорящий и по-вьетнамски, и по-французски. Поэтому Бао Дай сразу же предложил Паскье назначить его главой Кабинета министров. Естественно, после назначения в Хюэ Фам Куинь вынужден был передать руководство журналом «Нам фонг» своему ближайшему сотруднику Нгуен Тиен Лангу, который, впрочем, в скором времени стал его зятем.

Все эти акции, инициированные колониальными властями, преследовали одну цель — в самом лучшем свете представить подданным династии совершенно новый тип монарха: он молод, окончил высшую школу политических наук в Париже, у него совершенно новый образ мышления, он воспитан на передовых традициях Запада, вьетнамская интеллигенция и молодежь должны полюбить его, и тогда антифранцузские настроения пойдут на убыль.

Французское воспитание сподвигло Бао Дая на весьма смелые реформы придворного этикета и форм приветствия простолюдинами при встрече с императором, которые были заимствованы из древнего Китая и освящены веками. Так, Бао Дай повелел, чтобы были отменены как «архаичные» обязательные поклоны до пояса или опускание глаз при встрече с императором как простолюдинов, так и чиновников двора. Конечно, этот указ не так-то просто было исполнить на деле, так как внешние формы почитания монарха впитывались вьетнамцами «с молоком матери». Поэтому, когда уже после выхода указа Бао Дай со своей свитой появлялся на улицах Хюэ или других городов, особенно ретивые начальники городских кварталов и сельских уездов все-таки отдавали приказы жителям смиренно опускать глаза долу, когда император проезжал мимо них.

Одновременно было разрешено всем сановникам двора и другим гостям при входе в покои императора не кланяться до пояса, а приветствовать монарха словами. Этой акцией, наверняка подсказанной французами, преследовались две цели. Прежде всего показать, что молодой, прогрессивный монарх ценит старинные вьетнамские обычаи уважения людей не по положению, а по возрасту. Во-вторых, теперь и французские официальные лица, входя к императору, могли чувствовать себя более свободно и просто обмениваться рукопожатием с монархом, как это принято на Западе.

Одной из непреложных традиций династии Нгуенов, начиная с ее основателя Зя Лонга, была задача заранее подбирать невест для наследных принцев, поэтому все представители династии, как правило, всходили на престол уже будучи женатыми. После этого вступала в действие вторая традиция — во дворец нового монарха набирали несколько десятков девушек, которые выполняли роль прислуги и наложниц. И хотя у монарха была официальная жена, подобранная для него королевской семьей, однако среди десятка наложниц, естественно, находились одна или несколько женщин, которых монарх любил и привечал больше остальных. В результате монархи постоянно опасались, что между их любимицами начнется борьба за власть, поэтому было принято паллиативное решение, что любая «пассия» монарха, включая и его официальную супругу, могла быть объявлена императрицей только после кончины императора либо после своей собственной кончины.

По завершении первоочередных официальных дел перед «кукловодами» Бао Дая вновь встал вопрос о необходимости срочной реализации давно задуманного ими плана о такой его женитьбе, которая бы полностью отвечала интересам Франции. Летом 1933 г. Бао Дай выехал на отдых в Далат.¹⁵ Одновременно генерал-губернатор Паскье дал указание мэру Далата мсье Дарлю организовать праздничный прием в самом феешенебельном здании города Hotel Palace.

На этот прием были приглашены многие высокопоставленные представители колониальных властей и, разумеется, Тхи Лан и большое число ее ближайших родственников. Бао Дай и Тхи Лан много танцевали друг с другом и вспоминали о Париже. В конце своей жизни Бао Дай так писал об этом романтическом отрезке своей жизни: «После нашей встречи на приеме мы затем еще не раз встречались, чтобы высказать свои чувства. Жанна Мариэтта очень забавно рассказывала о своей учебе в школе Couvent des Oiseaux. Так же, как и я, она любила спорт и музыку. Тхи Лан отличалась весьма нежной красотой девушки Юга, немного приправленной чертами Запада. Вот почему я придумал ей новое имя — Нам Фыонг, что значит Аромат Юга. Я знал, что все мои королевские предки предпочитали брать в жены девушек с Юга».¹⁶ После танцев на пышном приеме мсье Дарля молодые люди встречались практически каждый день — на теннисной площадке, на раутах местной элиты, более того, несколько раз Бао Дай был гостем Тхи Лан в роскошном особняке семейства Ле Фат Ана в Далате. В конце концов Бао Дай официально сделал Тхи Лан предложение, на что она в принципе ответила согласием, но при условии, если ее семья даст свое благословение. Взволнованный Бао Дай доложил Паскье и Шарлю о возникшем препятствии. Супруги Паскье и Шарль встретились с Ле Фат Аном, чтобы узнать его мнение. Разумеется, члены семейства Ле были весьма обрадованы как предложением Бао Дая, так и его поддержкой со стороны высокопоставленных французов, ибо «рыба заглотнула крючок», но тем не менее они выдвинули несколько предварительных условий:

- Жанна Мариэтта Нгуен Хыу Тхи Лан должна быть удостоена звания императрицы сразу же после свадьбы;
- она должна остаться в лоне католической церкви, а ее дети при рождении должны пройти обряд крещения и быть католиками;
- что касается Бао Дая, то он может и дальше оставаться буддистом;

– наконец, крайне необходимо разрешение Ватикана на то, чтобы молодые люди, поженившись, остались каждый в своей вере; ни одна из сторон не должна принуждать другую к смене веры».¹⁷

Поставленные условия были довольно сложными и, казалось бы, трудно выполнимыми. Однако так велико было желание Паскье и Шарля увенчать процесс «офранцузивания» нового вьетнамского монарха его женитьбой на вьетнамке-католичке, к тому же «офранцузенной» не менее, чем он сам, что они заверили семейство Ле, что французские власти гарантируют выполнение всех поставленных условий.

Ни в одних мемуарах Бао Дая, Тхи Лан и их окружения ничего не сказано, о чем говорила пара во время знаменитого приема в Далате. Но историографы династии считают, что именно в Далате Бао Дай, вопреки вековой традиции Нгуенов, пообещал Тхи Лан, что сразу после свадьбы он объявит ее императрицей, и что все их дети, прежде всего наследник престола, будут католиками.

Когда Бао Дай вернулся в Хюэ, императрица-мать и высшие сановники сообщили ему «радостную весть», что они подыскали для него невесту — уроженку города Хюэ, дочь высокопоставленного чиновника двора. На что Бао Дай отвечал им, что он сам нашел себе невесту — Жанну Мариэтту Нгуен Хыу Тхи Лан из богатейшей семьи Гоконга, получившую к тому же классическое французское образование. Во дворе начался крупный скандал: мать Ты Кунг и глава Регентского совета Тон Тхат Хан потребовали от молодого монарха не нарушать вековых традиций династии и взять в жены девушку Бать Иен, которая ими подобрана и отвечает всем требованиям исторических канонів династии.

Но задуманная программа полного «офранцузивания» нового императора не дала сбоев. Бао Дай был категоричен в своем решении. «Я беру жену для себя или для династии?» — непривычно грубо для сановников двора спросил он. После этого и Ты Кунг, и члены Регентского совета поняли, что на престоле появился совершенно новый монарх, воспитанный в западных традициях, для которого главное — свои, личные интересы (разумеется, продиктованные французскими властями), а не интересы замшелой, уходящей в прошлое династии Нгуенов.

Свадьба состоялась 20 марта 1934 г. Жениху был тогда 21 год, невесте — 19 лет. Проходила свадьба в несколько напряженной атмосфере, так как выбор жениха поддерживал только глава Тайного совета Нгуен Хыу Бай, остальные же, возглавляемые вдовствующей императрицей, открыто выражали свое недовольство. Сам Бао Дай так описывал свои впечатления от свадьбы: «Свадьбу почтили своим присутствием большое число сановников императорского двора и представителей французской администрации. Это было торжество в стиле «модерн», таких свадеб династия Нгуенов еще не знала. Тут же, на свадьбе, я принял решение удостоить свою жену звания Императрицы — раньше это звание жены монархов династии получали только после кончины мужа-императора.»¹⁸

Хотя в своей книге «Дракон Аннама» (1980 г.) Бао Дай уверял, что при выборе невесты им руководила только большая любовь, однако на деле определяющую роль играли отнюдь не чувства двух молодоженов, и тому много свидетельств. То, что свадьба была целиком срежиссирована французами, уже говорилось выше. Но вот интересные оценки бывшего начальника императорской канцелярии Фам Кхак Хоэ, который в своей книге воспоминаний, так описывал тайные пружины этой свадьбы:

«В бракосочетании Бао Дая и Тхи Лан конкретные расчеты заметно преобладали над чувствами. Лан выходила замуж за Бао Дая, чтобы стать императрицей. Бао Дая же прельстили огромные богатства семейства Лан. Что касается чувств, то если они и были, то чисто внешне: оба они были молодые и здоровые, увлекались спортом и привыкли жить по канонам Запада. Вместе с тем у них была совершенно разная душевная организация. Бао Дай по натуре был неглубоким человеком, несколько наивным, бесхарактерным, больше любил всякого рода развлечения, нежели властные полномочия императора.

Голос рассудка и здравый смысл были ему не чужды, однако он часто действовал по подделке извне. Напротив, Нам Фыонг была женщиной скрытной, уравновешенной, глубокой, эмоции у нее никогда не преобладали над разумом, она любила читать и учиться гораздо больше, чем развлекаться, наконец, она очень любила власть и была обуреваема большими политическими амбициями.»¹⁹

Прежде всего, самым страстным желанием Нам Фыонг было родить наследного принца-католика, который мог бы затем занять престол и стать полновластным правителем, и все это благодаря «недюжинным талантам» Нам Фыонг, которая тем самым выполнила бы свой святой долг перед великой матерью-Францией, а также перед Ватиканом, где давно уже лелеяли мечту, чтобы католик стал монархом «великого Аннама». Последнее имело очень важное значение для Нам.Фыонг. Дело в том, что, готовя свадьбу Бао Дая, супруги Шарль обратились в Ватикан с просьбой разрешить католичке выйти замуж за буддиста. Однако Папа Пий XI неожиданно ответил отказом. И только в 1939 г., когда после его кончины папскую тиару надел Папа Пий XII, тот пересмотрел решение своего предшественника, благословил брак буддиста и католички, но с одним условием, что все их дети и прежде всего наследный принц, будут крещены в католики, как и их мать. Получив это приятное известие, Нам Фыонг тут же вместе с мужем отплыла в Ватикан, где они лично поблагодарили Папу Пия XII за его «гуманное решение». История сохранила фотодокументы этой необычной аудиенции.

После трех лет брачной жизни Нам Фыонг родила первого ребенка. Ночью 4 января 1936 г. жители императорской столицы слышали звуки салютных залпов, которые означали, что императрица родила. Но посреди глубокой ночи мало кто успел подсчитать количество залпов, чтобы узнать, родился принц или принцесса. Когда наступило утро, праздничные залпы были повторены. И их число вызвало всеобщее ликование: их было семь — значит родился наследный принц. Если бы залпов было девять, то это означало бы, что родилась принцесса. Дело в том, что согласно древним поверьям вьетнамцев, дух мужчины создается из семи воплощений души, а дух женщины — из девяти.

На следующий день все три части Вьетнама — Тонкин, Аннам и Кохинхина облетела весть, что в Хюэ родился наследный принц, то есть будущий император Вьетнама, которого коронованные родители нарекли именем Бао Лонг. В канцелярию двора посыпались поздравительные телеграммы от высоких французских лиц — генерал-губернатора, верховных резидентов Тонкина и Аннама, губернатора Кохинхины, колониальных министров, профранцузских общественно-политических партий и организаций Вьетнама.

В последующие годы Нам Фыонг родила еще четырех детей:

- принцессу Фыонг Май, 1 апреля 1937 г.;
- принцессу Фыонг Лиен, 3 ноября 1938 г.;
- принцессу Фыонг Зунг, 5 февраля 1942 года.;
- принца Бао Тханг, в 1948 г.

Первые три года совместной жизни молодожены отдыхали и развлекались вместе: на автомобиле «Меркурий» шоколадного цвета, за рулем — сам Бао Дай, они объезжали красивые окрестности Хюэ вдоль реки Ароматной, поднимались в горы к курортному Далату, чтобы подышать прохладным сосновым воздухом, и даже отваживались охотиться в джунглях плато Тэйнгун, возле городов Банметхуот и Баолок. Но после рождения первенца Бао Дай, который уже не мог жить без каждодневных развлечений, стал ездить по знакомым местам один. Особенно его увлекала охота на крупного зверя, которых в джунглях Центрального Вьетнама тогда водилось во множестве. В первые же дни, когда он вернулся на родину, жители одной горной деревни подарили ему двух слонят. Как только они подросли, Бао Дай стал ездить на них в горы на охоту. А к 1944 г. у него уже было целое стадо огромных слонов из 38 голов. О них заботились 40 погонщиков разных национальностей — лаосцы, эдэ, мнонги, вьетнамцы. Слонов так приучили,

что когда необходимости в них не было, их отпускали в джунгли, и они сами искали себе корм. Чтобы чужие охотники ненароком их не подстрелили, им на лбах рисовали специальные знаки, которые были известны всем в округе. Когда же приезжал Бао Дай, погонщики пригоняли слонов обратно, к подножию холма, на вершине которого стоял охотничий домик императора.

(Продолжение следует)

1. Tap chí «Nghien cuu lich su» (ж-л «Изучение истории»), № 144, 1972, с. 13–15.
2. “Hoi ky cua Vu Ky, The ky ghi, “Bac Ho viet di chus» (Воспоминания Ву Ки, записал Тхе Ки, «Дядя Хо пишет Завещание»), Ханой, 2008, с. 58.
3. Hoang Trong Mien, Cuu hoang Bao Dai (Хоанг Чонг Миен, Бывший император Бао Дай), Ханой, 2011, С. 29–30.
4. 36 улиц древнего Ханоя — один из главных исторических символов столицы. Это были в старину торговые ряды, поэтому каждая улица до сих пор носит название тех товаров, которые на них изготавливались и продавались — улицы Шелковая, Барабанов, Рыбная и т.п.
5. Цит. по: Евгений Кобелев, Хо Ши Мин, М., 1983, с. 75–76.
6. Ly Nhan Phan Thu Lang, Giai thoi va su that ve Bao Dai, Vua cuoi cung Trieu Nguyen (Ли Нян Фан Тхы Ланг, Мифы и правда о Бао Дae, последнем монархе династии Нгуенов), г. Хошимин, 2007, с. 30.
7. Хо Ши Мин, Сочинения, Ханой, 1971, с. 245–246.
8. Daniel Grandclement, Bao Dai hay nhung ngay cuoi cung cua vuong quoc An Nam (Даниэль Гранклеман, Бао Дай, или последние дни империи Аннама), Ханой, 2009, с. 20.
9. Там же, с. 26.
10. Все вьетнамцы, работавшие в Коминтерне или учившиеся в его политических учебных заведениях в Москве, как правило, использовали русские фамилии в качестве своей партийной клички.
11. Архив сыскной полиции в Фонтенбло (досье архива «Русские»). Цит. по: Daniel Grandclement, Bao Dai..., с. 27.
12. Там же, С. 23–24.
13. H.L. Crauclaude, Nhung thoi ky trong dai cua nuoc VN trong luc hoi xuan (Х.Л. Кроклад, Великие времена Вьетнама в период, когда вернулась весна), Ханой, 1935, с. 39.
14. Ung Trinh, Viet Nam Ngoai giao su (can dai), (Ынг Чинь, История дипломатии Вьетнама (новейшая), Сайгон, 1970, с. 129.
15. Горный курорт на Юге Вьетнама на высоте около 2000 метров, где средняя годовая температура — около 20 градусов.
16. Ly Nhan Phan Thu Lang, Nam Phuong, hoang hau cuoi cung Trieu Nguyen (Ли Нян Фан Тхы Ланг, Нам Фьонг, последняя императрица династии Нгуенов, г. Хошимин, 2008, с. 45.
17. Ly Nhan Phan Thu Lang, Giai thoi va su that ve Bao Dai..., С. 84.
18. Ly Nhan Phan Thu Lang, Nam Phuong... с. 61.
19. Pham Khac Hoe, Tu trieu dinh Hue den chien khu Viet Bac (Фам Кхак Хоэ, От династии Хюэ до военной зоны Вьетбак), Ханой, 1983, С. 93.